

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2035**

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2035**

СЕРГЕЙ НЕДОРУБ

МЕТРО 2035

**КРАСНЫЙ
ВАРИАНТ**

**Издательство АСТ
Москва**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н 42

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя, запрещается.

Автор идеи — *Дмитрий Глуховский*
Главный редактор проекта — *Вячеслав Бакулин*

Оформление серии — *Павел Бондаренко*

Недору́б, Сергей.

Н 42 Метро 2035: Красный вариант: [фантастический роман] / Сер-
гей Недору́б. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 288 с. —
(Вселенная метро 2035).

ISBN 978-5-17-104864-8

Что делать, если судьба, допустившая Катастрофу, играет еще более злую шутку: полностью погребает под тоннами породы самую большую ветку Киевского метро, оставляя неповрежденными две другие? Что, если призраки «красной» ветки напоминают о себе в каждой тайне и загадке всех последующих лет? Немыслимо, чтобы там мог кто-нибудь выжить, но все же...

Сталкеры Креста — расположенного под Киевом содружества станций обеих уцелевших веток — во время очередной вылазки находят на поверхности неизвестного человека в сильно изношенном защитном костюме. Он чужой в мире метро, и никто не может сказать, кто он и откуда, кроме местной девушки с повредившимся разумом и психологией ребенка. Чтобы достучаться до ее памяти, требуется помощь кого-то, кто сможет найти способ поговорить с ней. Детский учитель Ион берется сопроводить девушку на другой конец Креста, в отдаленные и дикие районы, чтобы найти ей доктора. Кто-то пытается им помешать, не останавливаясь ни перед чем. Кто-то, все еще хранящий тайны «красной» линии.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-104864-8

© Глуховский Д.А., 2018
© Недору́б С., 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Часть первая

ПРОИСШЕСТВИЕ

Глава 1

ЛУКЪЯНОВСКАЯ

В вечном свете станционных фонарей рельс красиво блестел, подобно сплошному меридиану, соединявшему два конца Вселенной. Сидящий на шпалах шестилетний Егорка знал ее границы, как никто другой. Уже в возрасте трех лет он усвоил картину мира, который начинался северными воротами Лукьяновской станции, а заканчивался южными. Однако временами случалось невероятное: ворота открывались, и из пустоты словно выглядывала непроницаемая тьма. Егорка побаивался открытых ворот, но детское любопытство одерживало верх, поэтому он вместе со своими товарищами всегда прибегал посмотреть, что произойдет на этот раз. Прежде всего, он удивлялся тому, что рельс не заканчивался у ворот — он уходил дальше, во тьму. Второй раз он изумился, узнав, что там находился и второй рельс, идущий рядом с первым, но в пределах станции он обычно был завален всякими коробками, железками, тросами и прочим драгоценным добром, столь притягательным для исследования. Хмурые мужики гоняли Егорку прочь, так что каждый раз после закрытия ворот он начисто забывал про второй рельс. Зачем помнить то, что не сверкает?

Иногда Егорка видел, как перед воротами собирались челноки. Этим странным словом называли взрослых людей с тяжелыми рюкзаками, которые группами по шесть-восемь чело-

век уходили во тьму. Егорка никак не мог понять, куда они идут. Ему рассказывали, что если долго идти во тьме, то рано или поздно выйдешь к другой станции. Конечно, Егорка в это не верил. Мир начинался и заканчивался воротами.

Но бывали дни, когда из тьмы слышался загадочный грохот, как если бы все жители принялись дружно стучать молотками по рельсу. Вместе с пылью и холодом приходил чужой запах, и на Лукьяновскую выкатывалась дрезина — почти то же самое, что и некоторые Егоркины игрушки, только гораздо, гораздо больше. С дрезины слезали неизвестные челноки, а иногда и другие дети, которых Егорка раньше не видел. Он никак не мог понять, откуда они появились. Кто знает, может, в самом деле существовали другие миры...

Если Егорка и не знал, зачем все эти люди покидали тьму, то почему они привозили сюда детей, он понимал отлично. Ведь только на Лукьяновской была своя школа для детей из темноты, «единственная на все метро», как он когда-то услышал и запомнил. Что такое «метро», ему так и не растолковали. Наверное, метро — это станция и тьма, вместе взятые.

Замечтавшись, Егорка не сразу услышал, как ворота снова начали издавать знакомый звук. Тут же, прижав ухо к рельсу, он начал слушать ритмичные вибрации. Опять дрезина. Учитель Ион порою уходил во тьму, чтобы поискать в ней новых детей и привезти на Лукьяновскую, где они обучались в школе. Затем их увозили обратно. Сам Егорка пока что в школе не обучался, но никто не прогонял его, если ему хотелось посидеть рядом и послушать. Он твердо решил, что, когда вырастет, тоже будет учиться хорошо, чтобы его не увезли во тьму. Мир и без того был слишком большим.

* * *

— Приветствую, — громыхнул заросший механик, фиксируя дрезину «башмаком». — Что-то вы рано.

— Здравствуй, Дмитрий, — сказал Ион, спрыгивая с дрезины на родную станцию. — Детей сегодня мало, четыре парня и девочка. Остальные в столицу умотали.

— Прогуливают, значит? — Механик начал помогать челнокам сгружать набитые тюки, в то время как Ион следил за детьми, с любопытством оглядывающими станцию. — Помнится, я в свое время тоже от школы отлынивал. Все бы отдал, чтобы вернуть те времена.

— Те времена? Стоп, да ты же должен был в школу еще до Катастрофы ходить.

Дмитрий не ответил, и учитель понял, что задел больное место. Немного на Лукьяновской оставалось людей, помнящих мир до войны. Здесь в основном проживала молодежь.

— Дети, не отставать, — скомандовал Ион. — По станции не бегать! Позже я вам все покажу.

Дети неохотно послушались. Учитель лишь покачал головой. Как можно запретить ребенку глазеть с открытым ртом на новый мир, в котором он ни разу не был? Это противоречит человеческой природе. Для маленьких обитателей Креста попасть на соседнюю станцию — все равно что оказаться на другой планете. Тем более что вряд ли теперь кто-либо из малышей поймет, что такое «другая планета». После Катастрофы слишком многое утратило смысл, зато еще большее — обрело.

О собственном возрасте Ион мог лишь приблизительно догадываться, как и многие другие его ровесники, которых Катастрофа застала в детстве. Для него, страстного любителя точных знаний, этот вопрос долго отзывался болезненными ощущениями в душе. Старики, глядя на учителя, отмечали его молодость, относительно цветущий вид, в меру широкие плечи и неизменный добродушный взгляд. Мало кто мог вспомнить Иона разозленным, если только спор не касался будущего школы. Полноценному гражданину Креста в возрасте «чуть за двадцать» незаметно подкатило к тридцати, но учитель не замечал в себе особых изменений. Куда больше биологического возраста значил социальный статус гражданина, и в этом плане Ион мог оглядывать свой школьный шатер с гордостью. Показателем же прожитых лет у мужчин мог служить разве что цвет бороды, однако Ион предпочитал регулярно бриться, так что внешностью мало чем уступал парням с фотографий в довоенных журналах.

Как раз в одном из таких журналов он и нашел свое прозвище. «Ион». Физический термин, столь неуместный для глянца, одно только объяснение которого пестрело кучей новых, незнакомых выражений. При первом взгляде на витиеватый текст будущий учитель решил, что это короткое, запоминающееся слово в точности отражает суть его самого — вечного искателя знаний былого мира, искателя, лишённого наставников, которые могли бы скомпоновать и передать эти знания ему. Он точно так же не мог объяснить свою тягу к заботе о грядущем поколении, ведь собственных детей он не имел. Просто собирал все книги, которые мог найти, купить или обменять, и никогда не скупился на вознаграждение за хорошую историю из уст очередного челнока или просто любого нового человека на Лукьяновской. Ион считал, что недостаточно дать ребенку книгу, чтобы тот разобрался в материале, — нет, для учителя делом чести было прочесть книгу самостоятельно и уже потом разъяснить все так, как понял сам.

Именно эта его привычка в свое время заставила смотрителя Датаполиса обратить на учителя внимание. Не хотел лидер метрополитена упускать из вида непонятных молодых людей, толкующих Истину другим, еще более молодым, в своей собственной трактовке. Иона вызвали в столицу, где он впервые встретился со зрителем, и тогда Кипарис (в каком же году он успел назваться именем дерева?) наговорил достаточно, чтобы вызвать у Иона желание осадить зрителя прямо в его кабинете. Мысль о своей школе пришла именно в тот момент. Хотя до ее создания было еще далеко.

— Смотрите, как я умею! — раздался задорный детский голос, и учитель встряхнулся.

Первым делом нужно было увести детей подальше от дрезины — вместе с ними на Лукьяновскую прибыли трое торговцев, помимо всего прочего притащившие с собой сахар. Диковинка даже для взрослых, а уж дети за сахар могут, наверное, и вовсе сбежать на поверхность, хотя и не все верят в ее существование. Ион и сам очень любил этот странный желтоватый песок, особенно растворенный в воде. Но найти

напиток богов можно было лишь в Датаполисе, по определенным дням и за десяток патронов. Это портило впечатление от напитка, словно он оказывался пропитанным порохом, машинным маслом и, что хуже всего, экономикой столицы. В Датаполисе разлетались все виды валюты, встречавшейся на просторах Креста, однако Ион нормально воспринимал только жетоны. Недаром до Катастрофы именно жетонами расплачивались при входе в метро — элитарнейший, по всей видимости, вид транспорта, открытый избранным. Все, покупаемое за патроны, считалось чем-то нечистым, и граждане столицы в большинстве своем предпочитали быть выше подобных товаров и услуг. Однако приобрести сахар иначе, чем за патроны, было невозможно, потому что его каким-то образом добывали только сталкеры Метрограда, не признающие других денег, кроме огнестрельных.

Иона передернуло при мысли об этих ужасных людях. Сталкеры Метрограда... Кем надо быть, чтобы жить фактически наверху, в подземном торговом комплексе, и к тому же раз за разом добровольно вылезать наружу, во внешний мир? И все же порой они притаскивали самые разные штуки, очень полезные в Кресте, а иногда и просто приятные. Если бы не плата патронами, с ними можно было бы вести дела. Хорошо хоть, что челноки работают посредниками в торговле...

— Учитель, когда мы поедем домой? — спросил Тимка, самый младший из всей пятерки.

Ион понял, что замечтался. Когда перед глазами стоял сахар, он с трудом мог удержаться, чтобы не думать о нем. И в этот раз тоже не получилось. Смущенно улыбнувшись, учитель собрался было приободрить Тимку, но тут же понял, что малыш вовсе не хочет домой — напротив, он мечтает остаться на Лукьяновской подольше.

В такие моменты Ион особенно гордился родной станцией. Конечно, с великолепием Датаполиса ее не сравнить, но все же в тройку самых красивых, по его мнению, она входила. К тому же сам Тимка родом с Почтовой Площади, станции достаточно бедной, перебивающейся производством одежды да своим

статусом таможенной зоны между фешенебельным кварталом Контрактовой и консервативной состоятельной Площадью Независимости. А бедному особенно тяжело, когда он зажат между богатыми, которые к тому же друг с другом соперничают.

Лавируя между тесными деревянными постройками, Ион провел детей к просторному шатру, сплошь расписанному рекламными надписями. Это и была школа — драгоценный участок свободной территории, который учитель выбивал правдами и неправдами больше года. Ион спорил с начальником станции, с администрацией Датаполиса и даже с самим Кипарисом, отстаивая необходимость пространства для обучения. Не так просто было на маленькой Лукьяновской выбить даже квадратный метр, тем более на такие эфемерные, по меркам Кипариса, надобности, как образование. Зачем нужно учебное заведение, если каждый ребенок Креста и без того проживает с родителями, хоть настоящими, хоть приемными?

После долгих споров смотритель предложил Иону учредить школу в стенах Датаполиса, и молодой учитель тут же понял, куда дует ветер. Не хотел Кипарис распылять творческую интеллигенцию и потенциальную надежду поколения, позволяя ей так просто произрастать в отдалении от столицы. А если у нее со временем появятся собственные политические убеждения...

Когда закончились аргументы, Ион прибегнул к последнему средству — к сбору голосов взрослых. И этот шаг выстрелил в его пользу. Тут-то и оказалось, что привязанность к собственным детям сильно ограничивала рабочие способности населения. Добрая половина семей Датаполиса и ближайших станций была бы рада пристроить своих чад хоть на несколько дней в месяц, чтобы эмоционально восстановиться, да вот только кто в метро доверит своего ребенка незнакомцу? Воспрянув духом, Ион объяснил это Кипарису на пальцах, с трудом преодолев соблазн использовать средний, и, в конечном счете, добился своего. Школе был дан зеленый свет.

— Заходим, — бодро сказал учитель, отодвинув полотнище, занавешивавшее вход в шатер. Дети с радостными возгласами скрылись внутри. Шелест бумажных самолетиков, спеш-

но разбираемых со стола, заставил Иона улыбнуться. Хоть какая-то отдушина от мира взрослых проблем...

Зайдя в шатер, он уселся на широкую скамью. Отшлифованная за годы использования древесина была испещрена насечками и дырками. Ион принес эту доску с северного блокпоста, где она служила подставкой для мишеней для отработки метания ножей. Почти все в этом шатре Ион построил из отходов, собирая детали с миру по нитке. И уже долгое время шатер служил ему рабочим местом, а иногда и домом. По праву постоянной прописки на Лукьяновской Иону полагался свой матрац в одном из мужских барачков для холостяков, однако там учитель все чаще чувствовал себя чужим. Его работу по воспитанию детских умов на станции уважали, но то было скорее нечто вроде уважения к рисовальщику картин — то есть вроде занят мужик непыльным делом, что-то духовное производит, а все же гайки не крутит, в дозор до сотого метра в туннель не ходит и вообще дурью мается. С тем же успехом Ион мог вырезать свистульки из свиных копыт.

Так что он раздобыл второй спальник и хранил его в шатре, куда кроме него никто даже не заглядывал. Здесь же находился бак с водой — на детей ее не жалели, и учителю обычно доставался дополнительный литр в день для собственных нужд.

Временами вместе с учителем уроки вела Татьяна — медсестра с отличными педагогическими способностями. Такая девушка где угодно была бы желанной гражданкой. Поначалу она предпочла заниматься обучением детей, за что Ион был готов упасть ей в ноги. И все же ее энтузиазма надолго не хватило — Таня устроилась стоматологом в элитарном уголке Датаполиса, поселившись в собственном отсеке внутри четвертого пилона Площади Льва Толстого, инкрустированного алюминием. Ион долго не мог простить ей подобного предательства, но затем вспомнил, что у детей тоже бывают зубы. Так что, может, она и правильно поступила.

— Разбираем учебники, — Ион положил на стол шесть экземпляров «Флоры». Дети принялись разглядывать картинки, а учитель продолжал сидеть в невеселых размышлениях.

Сам он никогда не заработает на собственный пилон в Датаполисе. Для этого нужны либо очень большие деньги, либо отличные профессиональные способности, позволяющие оправдать свое проживание в административном центре Креста. С другой стороны, Ион не особо и хотел покидать станцию. Ну, что он забыл в столице, в самом деле? Получить место в администрации смотрителя он не сумеет ни в этой жизни, ни в следующей, если таковая будет. А работать напрямую на Кипариса ему не позволит гордость. Куда лучше сидеть в шатре и читать с детьми брошюру о растениях, рассуждать о насекомых метрополитена, обсуждать увиденные в туннелях странности и вести прочие беседы на сторонние темы. В мире метро, устоявшемся после Катастрофы, и детям, и взрослым, помимо безопасности и куска еды, нужно одно — иметь возможность поговорить с кем-то, кто их понимает. Можно сказать, что он еще хорошо устроился.

Вот детям повезло меньше. Взять хотя бы того же Тимку. Его семья занималась чисткой уборных и хлевов для свиней на большой ферме. Дело важное, но не настолько почетное, чтобы мэрия Почтовой Площади каждую неделю оплачивала их сыну поездку до Лукьяновской и обратно, включая двухдневное проживание. А ведь место на дрезине стоит денег. Прокатиться через четыре станции, включая Датаполис, в который и без того бесплатно въехать не каждый сможет, — влетает в копеечку. На своих двоих взрослые проходили через столицу задаром, но ведь ребенка по туннелям пешком не пошлешь. Пусть даже в пределах центра каждый угол был исследован — за такое грубое нарушение всех этических и социальных норм Кипарис сам с себя повязку снимет.

Поэтому восьмилетний Тимка мог посещать школу разве что раз или два в месяц, и то если по пути тайком подрабатывал чисткой сапог.

Машинально листая «Флору», Ион оглядывал других детей.

Следующими по старшинству были Женя и Рома, проживающие на Кловской. Станция изначально ничем особенным не выделялась, кроме близости к центру, так что рассматри-

валась как потенциальный ресурс для расширения столицы на восток. Однако было принято решение уделить внимание Золотым Воротам, находившимся в противоположном направлении. Затем вмещался Метроград, которому толпа гражданских под ногами тоже не прибавила бы спокойствия... В результате столицу так и не расширили. Может, оно и к лучшему.

Слева от Ромы сидела десятилетняя Земфира, происходившая из богатой семьи. Отец — в прошлом машинист метровагона, мать — оператор эскалатора, и оба родителя по совместительству заведовали частью бункера Площади Независимости на случай войны. Неудивительно, что после Катастрофы они оказались одними из первых. Школа на Лукьяновской стала не единственным развлечением их дочери. Влияние и деньги позволили родителям девочки катать ее от Петровки до Славутича, включая регулярные путешествия через метро-мост. Круиз еще тот. Хотя если в герметичной дрезине вместе со «скифскими» купцами — то вполне себе приключение.

Наконец, последним ребенком был одиннадцатилетний Ваня с Минской. Хотя, учитывая жизненный опыт и относительно трудоспособный возраст, на ребенка он походил мало. Его родители погибли при завале туннеля, ведущего на Героев Днепра. В возрасте девяти лет Ваня выживал, как мог, кочевал от станции к станции, пока в результате чудом не пробрался в Датаполис, где был пойман на воровстве. Причем крал он не жареную крысу с мангала у блокпоста, а жетоны из личных запасов Березы, министра по продовольственным вопросам. Когда сорокалетняя Береза — суровая, но по-своему добрая женщина — обнаружила в своем личном пилоне Ваньку, роющегося в железном сейфе, то долго думала, что с ним делать. В результате его отослали ухаживать за грибными плантациями в сырые подземелья Золотых Ворот, но в качестве пряника позволили иногда посещать школу Иона. При этом учитель был склонен думать, что ему самому есть чему поучиться у неунывающего Ваньки.

— Так, друзья, давайте вспомним домашнее задание, — предложил Ион, отложив учебник в сторону. — Что нам нужно было сделать? Кто ответит? Рома?